

Иеромонах Сергей (Ситиков)
Тайна Царствия Божия, или Забытый
путь истинного Богопознания

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=303432

Тайна Царствия Божия, или Забытый путь истинного богопознания: Сибирская Благовонница;
Москва; 2009
ISBN 978-5-91362-194-8

Аннотация

Книга «Тайна Царствия Божия» – вдохновенное песнопение благодарного сердца о великом даре Божиим – Иисусовой молитве. Собранная из святоотеческих высказываний об «умном делании» и подкрепленная большим опытом служения, рукопись этой книги была поистине выстрадана иеромонахом Сергием Ситиковым (1889–1951). Промыслом Божиим она оказалась у старца, отца Иоанна Журавского (1867–1964). В те годы, когда богословская литература была почти на вес золота, драгоценные строки этой книги служили людям, наставляя их в молитве, покаянии и побуждая неустанно искать Царствия Божия еще здесь, на земле – в своем сердце. Жизненный пример хранителя самой рукописи и великого делателя «умной молитвы» – отца Иоанна, долгие годы окормлявшего тюремную церковь и Свято-Фирсову богадельню в Риге, подвижника, молитвенного наставника, духовника многих духовников – явил истинные плоды Иисусовой молитвы. И несомненно, что рукопись книги «Тайна Царствия Божия» была в том его верным помощником. Да будет таковым она и для нас!

По благословиению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира

Содержание

Предисловие автора	4
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	17
Глава VI	21
Глава VII	24
Глава VIII	27
Глава IX	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иеромонах Сергей (Ситиков) Тайна Царствия Божия, или Забытый путь истинного богопознания

Предисловие автора

Эта книга – плод моего почти сорокалетнего вслушивания в божественную симфонию словесных звучаний мыслей святых отцов Церкви Православной, бессмертных искателей «умной красоты». И конечно, это не академическое исследование и не богословский трактат о Боге и о путях к Нему. Нет, и еще раз – нет.

Это – священная поэзия, отзвук вдохновения, каким были объаты отцы. Это – песня сердца об «умном делании», о той дивной музыке Небес, прославляющей дивного Бога, какую душа слышала в этой бессмертной симфонии отцов – как основной лейтмотив всей православной аскезы, всех святоотеческих Писаний.

Диапазон моих голосовых возможностей невелик. Но я пропел искренне, как мог. И если кто пропоет лучше о том же и звучнее, я с любовью покорюсь ему, славословя дивного Бога в дивных святых Своих.

Раскрывая сокровенные мысли святых отцов об «умном делании», у меня не было намерения излагать этот предмет в виде системы. Далеك я был от этого намерения.

Систематично этот предмет изложил в простейшей форме с бесподобной ясностью благословенный поэт «умного делания» – богомудрый епископ Игнатий Брянчанинов.

У него это учение, эта «наука из наук» и «художество из художеств» изложено в системе – ясно, просто и доступно для всякого, желающего усвоить это делание.

У меня было иное намерение. Мною руководило скромное желание, сердечное желание: дать читающему не систему светлых мыслей отцов о дивном Боге, а пропеть о Нем песнь и дать прочувствовать сердцем бесконечно близкого и живого Бога. У меня было тайное желание этой песней возбудить в читающем сердечное, живое чувство к Богу – Спасителю нашему.

И этот маленький ручеек чувства сам собою превращается – при надлежащем умном уходе за ним – в реку живой, умной работы, в «умное делание». И тогда непрестанная молитва не является скучным механическим занятием, а дыханием жизни, ибо дышать этим воздухом непрестанной молитвы следует не потому, что так нужно, а потому, что нельзя им не дышать: он является органической необходимостью, духовным питанием. Такое делание молитвы вытекает из живого чувства к Живому Богу.

Сознать близость присутствия Божия на всяком месте и воспринять чувства в живом ощущении Его присутствия – это и есть тот спасительный момент, оживотворяющий душу, из которого вытекает потрясающее благоговение, страх и «умная молитва».

Для большего «согревания» моего намерения я прибегал к «горячим» мыслям только тех отцов, которые и сами были поэтами «умного делания», то есть жили молитвенным вдохновением. Ибо молитва действенная, живая есть Божественное вдохновение благодати, песня сердца к Богу. Поэтому вдохновенный пророк-певец и сказал: *пою Богу моему, дондеже есмь*.¹ А механическое занятие молитвой и есть один из путей, приводящих к этому вдохновению, к этой песне.

¹ Пс. 145, 2.

«Горячие мысли» «горячих» отцов согревали мое намерение подтолкнуть ближе к этому огню тех, кто около него остывает. И если не умом, то чувством воспринять от него согревание.

И если мне удалось хоть слегка возбудить в читающем это чувство, буду считать, что труд мой был не напрасен, в чьей-то душе родится радостная песнь «О Боге Спасе моем».

А это и будет началом вдохновения благодатного, началом молитвы внутренней, началом песни сердца к Богу. И тогда сердце вдохновенно воспоеет Этому дивному Богу, Великому и Живому, вечно живущему и бесконечно близкому к сиротливой душе человеческой, которую Он тепло согревает Своей потрясающей теплотой Божественной, – воспоеет Ему гимн славословия вечного.

* * *

Эта книга написана не для всех, а только для избранных, она написана для моих духовных о Господе друзей, для искателей «умной красоты», для тех, кто с болезнующим сердцем прошел через всю жизнь с устремленным поиском «умной потери» – своей души.

Эта книга – духовный синтез моей жизни. Синтез, родившийся в процессе моего сложного религиозного опыта. А сам синтез есть квинтэссенция всей православной аскезы, очень сложной и туманной для мудрствующего разума и очень простой и ясной для верующего сердца.

Путь сердца и привел меня к этому спасительному синтезу: к внутреннему познанию «умной красоты» и к обретению пути, ведущего к ней.

Глава I

Тайны Царствия Божия – только верою прозревшим

*Вам дано знать тайны
Царствия Божия, а тем
внешним все бывает в притчах.*
(Мк. 4, 11)

Евангелие – внутренняя Божественная тайна, и воспринимается эта тайна внутренним, живым чувством сердца. Это живое, внутреннее чувство сердца и есть благодатная опытная вера. Без этого благодатного опытного восприятия Евангелие, в лучшем случае, – Божественная «притча», новая христианская мораль, – и то лишь до Гефсимании. Такое восприятие «внешнего» Евангелия бывает непрочным; до первого испытания кричат: «Осанна», а когда бывает потрясение внешней веры, внешнего поклонения, тогда кричат: «Распни, распни Его!» – или уходят в темную ночь.

Только внутреннее, сердечное восприятие раскрывает тайны Евангелия и привлекает сердце к нему неотторжимо.

«В меру жития бывает восприятие истины», – сказал великий наставник умного монашества преподобный Исаак Сирин.

В меру внутреннего очищения раскрывается Евангелие. Сердце очищается внутренним подвигом покаяния. Очищенным сердцем воспринимается Евангелие. Потому Господь и сказал Свое первое слово грешному и неверному миру: *покайтесь и веруйте в Евангелие*.²

Первая заповедь Нового Завета – покаяние. Без покаяния Евангелие, благодатная жизнь недостижимы. Только покаянием грешная душа входит в новую благодатную жизнь. Покаянием душа обретает благодатную веру: в труде очищения сердца оживают внутренние чувства, которыми душа и воспринимает внутреннюю духовную жизнь, воспринимает Евангелие. А это и есть благодатная вера.

Грех каменит сердце, мертвит, умерщвляет его нежные органы чувств, воспринимающих духовную, благодатную жизнь; потому *внешним*, пребывающим в грехе, тайны Царствия Божия не даны, они для них недоступны. Для *внешних* христианство дано во внешних притчах в вещественном, в видимом.

Но они видя – не видят его.
Слыша – не слышат и
Сердцем не понимают.

Только на пути внутреннем, на пути очищенного сердца раскрываются его тайны. Путь внутренний есть путь благодатного покаяния. Благодатное покаяние есть внутреннее изменение всего жития: и телесного, и мысленного. Начальный момент покаяния есть рождение свыше в новую благодатную жизнь. Без этого рождения не бывает и новой жизни. Момент рождения и покаяния вводит в новую благодатную жизнь – в жизнь покаяния, очищается сердце и оживает для восприятия Евангелия, для восприятия новой, благодатной жизни. Евангелие есть благодатная, божественная жизнь, жизнь Божия чуда. Сердце, очищенное покаянием, воспринимает эту новую жизнь, воспринимает как чудо, живым чувством, реаль-

² Мк. 1, 15.

ным ощущением воспринимает «уповаемых вещей извещение», воспринимает благодатную жизнь веры. Ожившее сердце живет новым воздухом духовной жизни – воздухом покаяния.

Обманывает себя тот, кто живет плотолюбными вожделениями, пребывает в сласти плотолюбия и думает, что пребывает в духовной жизни христианина. Это путь самообмана, путь, *льстящий в похотях плоти*.³ На нем не обитает Дух Божий. Это не путь Евангелия. На нем нет очищения от мертвящего греха, а потому и нет восприятия жизни духовной. Только на пути отрешения от плотолюбного жития, на пути покаяния душа обретает благодатную веру в живых чувствах сердца. В другом месте благодатная вера не приобретается. Живой верой сердца, то есть живым чувством, душа человеческая обретает духовную жизнь, духовное бытие и в нем утверждает свою временную значимость. В крайнем моменте времени, в точке земного бытия, определяет направленность своей воли для необъятной деятельности в вечности. В подвиге покаяния и живой опытной веры душа человеческая утверждает свое бытие в Божественном, входит в круг этого бытия и содействующей благодатью воспринимает обожение и соделовается Света причастницей и общницей Божества независимо (из Причастного канона).

Ибо верующему все возможно, – сказал Господь.⁴ И кто обрел сей путь и подвигом умной воли преодолел внешнее плотолюбное житие как соблазн, оградился верою от сего обольстительного «древа познания добра и зла» и свободно устремился внутренней мыслью и чувством к внутреннему, сокровенному «умному деланию» покаяния, и, в труде внимая своему житию, непрестанно просит, трезвенно ищет едва приметный путь Божий, и смиренно стучится болезнующим сердцем в дверь милосердия, – тому ответят, он обретет, и ему отверзнутся двери сокровенных тайн Царствия Божия.

И сия сокровенная, духовная, внутренняя жизнь Божия обретается душами не внешними. И обретается деланием сокровенным, внутренним. А самое «делание» обретают немногие: лишь те, кто вступил на путь отрешения от владений невещественных, мысленных – от мечтаний и вожделений, и взыскал внимание к своим помыслам.

«Сии отрешенные принадлежат к чину христиан более внутреннему», – по слову преподобного Макария Великого (Слово 1-е. Гл. 9), принадлежат к иному роду христианскому. О них сказала Родоначалница этого рода – Пресвятая Дева, указуя на преподобного Серафима: «Сей – рода нашего».

Они и есть носители этого рода иного. Носители живой веры Божией – многодейственной, чудотворящей. Они – живые носители Живого Бога.

Они и есть верою прозревшие и опытно познавшие сокровенные тайны Царства Божия.

³ Ср. 2 Пет. 2, 10; Еф. 2, 3.

⁴ Ср. Мк. 9, 23.

Глава II

В христианском человечестве «верою прозревшим» было восточное иночество; им и хранились тайны Царствия Божия

Таким внутренним христианством, «верою прозревшим», было в историческом процессе восточное монашество, которое подвигом своей «умной воли» вступило на путь благодатной веры, опытно познало тайны Царствия Божия и с любовью поведало о том в своих богомудрых прикровенных Писаниях.

По неисповедимым судьбам Божиим восточное монашество в христианском человечестве было хранящим тайны Царствия Божия, было тем сосудом святости Божией, ковчегом Нового Завета, в коем хранилась «действенная благодать освящающего совершенства», – по выражению преподобного Макария Великого (Беседа 40-я). В монашестве хранилась благодать, освящающая и весь внешний мир. Господь Бог имел действенное соприкосновение с внешним миром через монашество. В этом ковчеге, как некогда в Израиле, хранилась тайна Нового Завета Бога с человеком. Чем был Израиль для нового человечества, тем было и монашество для христианского человечества.

Древний Израиль, как в ковчеге, хранил в себе тайну – обетование грядущего Бога-Спасителя.

Монашество хранило в себе ту же тайну, но не в обетовании, а в свершении. Обетование в монашестве оплодотворилось. Бог обетованный, грядущий уже пребывал в монашестве как Спаситель человечества. Тайна, сокрытая от веков и родов, открылась святым Его, пребывающим на пути монашества; и сия тайна – *Христос в нас*, по апостольскому слову.⁵ Эту тайну монашество опытно познало и хранило в светлых ликах своих святых.

Внешний мир христианский не вмещал этих тайн, опытно их не знал. Он внешне перед ними благоговел, а изнутри, в опытном переживании, они были для него неведомы. Христианство для него было Божественной притчей. Ибо внешний мир христианский был весь погружен своим умом и чувством в вещественное, в земное, в суетно-преходящее, в бытие языческое, непросветленное, потому и недоступны были для него внутренние тайны Царствия Божия.

Внешний мир христианский принадлежал по своему внутреннему устремлению к чадам века сего, которые женятся и замуж выходят,⁶ трудятся над продолжением тленного смертного бытия. Ему неведомо было иное бытие – вечное, бессмертное, Ангельское. Неведомо было «воскресение, бывающее здесь прежде общего воскресения», по выражению преподобного Симеона Нового Богослова.

Внешний мир христианский не сподобился, не потрудился усвоить внутреннюю тайну христианства, не потрудился достигнуть иного века и воскресения из мертвых, где *ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы на небеси*.⁷ Не потрудившись должным образом, он и не знал этих тайн, пребывал в бытии тленном, смертном, плотском. Ибо только трудники, нудящие себя, восхищают эти тайны, входят в Царствие этих тайн.

Таким трудником, восхитившим эти тайны, и было восточное монашество, которое опытно усвоило их и хранило в себе.

⁵ Ср. Кол. 1, 27.

⁶ См. Мф. 24, 38.

⁷ Ср.: Мф. 22, 30; Лк. 20, 35–36.

Монашество, отрекшееся подвигом «умной воли» от внешнего и вещественного, отрекшееся от труда, продолжения тленной, смертной бесконечности, отрекшееся от «невещественных владений», от мечтаний и вожделений и устремившее свою духовную «умную природу» к воскресению и бытию в веке ином, и было тем «внутренним» христианством, «верою прозревшим», которому и открылось иное бытие – сокровенное, Божественное, скрывавшееся от веков и родов.

Монашество и было носителем живой веры в Живого Бога. Оно и творило этой верой жизнь христианскую в темных народах языческих. Оно озарило светом веры Христовой эти народы. Свет Христов был в монашестве, и Сам Христос действительно пребывал в нем. Потому и тянулась простая верующая народная душа в паломничество по монастырям и к старцам-инокам. Она живым чувством своего сердца ощущала там присутствие Живого Бога и не ошиблась: поистине, Бог был в монашестве, и там она соприкасалась с Ним и обрела Его в ликах святых иноков.

Через соприкосновение с монашеством внешний христианский мир просвещался и обретал действенную благодать, которая освящала его внешнее бытие и открывала путь к бытию внутреннему, духовному. Освящающая благодать Христова исходила на внешний мир только через иночество. Других путей освящения в Церкви Христовой не было, нет и не будет.

Всякая душа христианская, возжаждавшая благодатного изменения своего жития, получала его и будет получать только через иночество. Святые иноки являются носителями сей действенной благодати. В этом – тайна Церкви Христовой. И тайна сия – святое благодатное иночество.

В святых трудниках иночества восточного, которым даны эти тайны Царствия Божия, хранился и сокровенный «умный» путь к освящению, к обретению благодатной жизни и веры и к опытному усвоению этих тайн.

И первой благословенной Трудницей в новом человечестве, «умным» трудом Своим восхитившей сокровенную тайну нового бытия, была Преблагословенная Дева и Мать, Родоначальница иного рода, нового человечества, Родоначальница рода монашеского, Небесная Игуменья земного иночества. Она первая проложила этот путь к тайнам Царствия Божия и к нужному восхищению этих тайн. От Нее и пошло новое человечество: ангельское, божественное, небесное, иное – иноческое, устремленное к иному веку, к иному житию, к Воскресению нетления.

Это Она – Паломница дерзновенная —
Ночью бессветной,
В темных веках бездорожных
Дерзнула путь проложить
Кратчайший и непреложный —
К изначальной тайне Божией,
К святому нетлению.

Это Она – всех кротких и нищих, и скорбных, этих беспокойных искателей «умного бытия» внутреннего, бессмертного, божественного,

Любя, увела за Собой
К светлой вселенской заутрене
Дивного Воскресения,
И с тех пор вслед Ее ног,
Что с трепетом боли прошли

среди терний,
По чудесным следам, по Ее стопам,
Что пылают алмазами слез
И каплями алых рубинов, —
Текут вереницы узкой тропой...
А лица!
Их лица сияют нетленной
Ее красотой.
Идут... Все идут... Поспешают...
К славе нетления
Светлого дня Воскресения.

Глава III

Отличие западного монашества от восточного. В восточном монашестве сокрыты тайны конца

К этой славе Воскресения западное монашество устремилось другим путем – внешним, вещественным. Отсюда у западного монашества опыт иной, движение иное, отличное от восточного. У него – начала христианства, опыт галилейских полей и цветущих лилий (Франциск Ассизский и др.), и движение за Христом по плоскости этих полей (крестовые походы), динамическое устремление освобождать Святую Землю (внешнюю) от врагов христианства (внешних) и борьба с антихристом (внешним).

Это основные пути движения западного монашества и его деятельности. Они остаются для него существенными и ныне.

Западное монашество в своей юности со своей влюбленностью в историческом процессе духовного развития остановилось на внешнем, на поверхности; здесь оно и застыло. В западном монашестве потому и много действия на плоскости внешней, много динамичности, что оно пребывает в возрасте молодости, в свежести юных сил. Дальше своего юношеского возраста оно не развилось, да и не могло. Ибо западные народы по своей внутренней одаренности и развитию, по своему возрасту – народы юношеские, духовно незрелые. Западные народы по своему незрелому возрасту приняли тайну христианства хотя и сильно, и красиво, вплоть до «святой влюбленности», но восприняли внешне, извне. Внутренняя сущность была для них недоступна.

А красота Дщери Царевой была вся внутри, – говорит пророк.⁸ И эта внутренняя красота не была ими воспринята. Отсюда потом и родилась тоска по этой внутренней красоте, по горнему, выразившаяся в готике католических храмов. Искусство зодчества храмов не случайно, оно выражает собою внутреннюю тайну «строющего народа» – религиозного восприятия душой Бога.

Готика – это искание Бога в небесах. Готика – это устремление ввысь, тоска, это крик души, взыскующей внутреннего. Готика – это голод души, это тощие руки мольбы, простертые ввысь, к небесам, ищущие «там», чего нет «здесь», на земле. В этих чертах и отразилась существенная особенность религиозного опыта западных народов, западного монашества.

И совсем иной религиозный опыт восточного христианства, восточного монашества. Здесь нет устремления ввысь. Восточные храмы готики не знают: они крепко стоят на земле. Здесь небо от земли неотделимо. Здесь нет тоски по небу. И эти черты полностью выражают внутренний опыт Восточной Церкви, восточного монашества.

Здесь, на Востоке – обладание; там, на Западе – искание. Здесь – внутреннее пребывание в тайне с Богом, там – устремление ввысь, искание Бога в небесах. Здесь – отрицание «мира сего» и пребывание в мире горнем, «на Небеси». Там – утверждение «мира сего» и взыскание мира грядущего. Здесь – богоносная «умная молитва» и тихая радость обретения. Там – экзальтированная влюбленность, переходящая в тоску исканий устремленных.

Потому восточное монашество все «внутри», во внутреннем созерцании. И его возраст – возраст седых веков, оно – детище древних народов. Его возраст – возраст созерцания «конца».

И опыт православного монашества есть Божественный опыт «конца». Опыт конца тленного, внешнего, грешного бытия, опыт конца смертного образа человеческого.

⁸ Ср. Пс. 44, 14.

И светлый, величественный, потрясающий опыт начала иного бытия – богоносного, опыт выявления Бога, во Плоти пришедшего, опыт выявления бессмертного Богочеловеческого образа «неизреченной славы» – лика Христова в образе человеческом.

С тайной монашества восточного неразрывно связаны и конечные судьбы христианского человечества, судьбы всего мира. В монашестве, и только в восточном монашестве, православном, – последние времена и сроки, в нем сокрыта тайна «конца».

С исчезновением монашества исчезнет и христианство. С исчезновением христианства исчезнет и внешний мир – придет его конец.

Глава IV

Восточное монашество хранило в себе тайну начала нового бытия и конец старого

Мысль о конце грешного, тленного бытия, о конце мира – мысль древняя, пророческая. Еще в Ветхом Завете пророки Божии о ней вещали. Но она особым светом затрепетала в Новом Завете, в новом сознании христианского человечества.

Христос-Спаситель и словом, и Своим Божественным воплощением Своего вхождения в природу человеческую дал уразуметь о конце бытия грешного, смертного – о конце сего мира и о начале бытия нового, бессмертного. В святом Боговоплощении и скрыта тайна нового бытия, невещественного, и конец старого, вещественного.

Самый факт проявления Бога в природе человеческой весьма ярко свидетельствует о том, что сия природа получила начало иного бытия – нового, Божественного, о чем Церковь в своих сокровенных гимнах, малодоступных непросвещенному сознанию, ликующе поет: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития, вечного начало».

С приходом христианства в мир вошло начало этого бытия, начало вечного. Христианство – религия торжества: вечного над временным, бессмертного над смертным, нетленного над тленным.

Христианство – религия Воскресения. В христианстве старое, тленное бытие упраздняется, ад разрушается, умирает ветхий, тленный человек с его ветхим, тленным миром,⁹ – и оживает человек новый, нетленный, бессмертный, человек Воскресения, живущий «на Небеси».

В истинном христианстве – миру конец. В христианстве смертный человеческий род прекращается и выявляется род иной – ангельский, тем самым вступивший на путь христианства, тем самым вступивший на путь прекращения смертного человеческого рода. Только тот христианин продолжает род, который не домысливает христианства по своему малодумию, ибо по своему плотскому житию *не вмещает его тайны*.¹⁰

Тайна христианства велика; потому и продолжается смертный род человеческий, что не может он вместить ее в сосуд своего духовного развития, не может вместить тайны бессмертия Христова. И не многие вмещают эту тайну. Одни вмещают ее от рождения, другие – от должной меры развития духовного сознания. И в них смертный род прекращается: они являются носителями иного рода, бессмертного. В них открывается и начало иного жития – вечного.

И носителями этого иного, вечного были в человечестве святые иноки и святые избранники Божии – апостолы, возродившиеся от Духа Божия. Они первые опытно познали это начало нового жития, божественного, вневременного, потому о бытии во времени, о мире, во зле лежащем, изрек пророческое слово: *Дети! последнее время... мир проходит, и похоть его*.¹¹

И с тех пор, как появилось новое христианское сознание, новое ощущение новой жизни, – просветленная мысль о конце старого сознания, о конце мира преходящего весьма ярко засветилась над человечеством особым небесным светом. Этим светом ярко озарилось первое христианство, опытно познавшее живым чувством сердца новое, иное. И отношение

⁹ См. Рим. 6, 6.

¹⁰ Ср. Мф. 19, 12.

¹¹ 1 Ин. 2, 18, 17.

к старому было выразительное, острое, непримиримое; в сознании и чувстве просветленном ветхий мир умирал, образ его исчезал и уходил в небытие.

Это живое, острое чувство нового христианского сознания о конце мира, нового отношения к миру, сильно и выразительно звучит в словах святого апостола, который писал: *Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.*¹²

Какое величественно-просветленное понятие о мире сем звучит в этих словах святого апостола! Мир сей – это только образ, и притом преходящий; только тень, но не самый предмет. Какое глубокое и одухотворенное понятие, совершенно не свойственное бытию плотскому. И какое живое и острое ощущение «мира сего» как тени, как образа преходящего, – это благодаря просветленному, благодатному прозрению и ощущению живым чувством сердца того вечного, нового, непреходящего бытия, которое отбрасывает эту преходящую тень.

Восприняв и ощутив вечное как новую жизнь, святые и сказали о мире сем, что он только образ мира невидимого и образ преходящий. Но это острое и живое ощущение новой жизни не было воспринято христианскими народами; оно нашло себе приют только в одиноких келиях отшельников и подвижников христианства. Эти одинокие и были носителями нового, иного, богочеловеческого бытия. Они шли путем веры Христовой и сей верой опытно познавали тайны Христовы, тайны Царствия Божия, познавали дивные чудеса дивного Бога, и Бог в них был воистину дивен. А внешнее христианство «обмирщилось», «оязычилось», приспособилось к миру сему и жило его жизнью – плотской, вещественной, плотолюбивой. Новое бытие явилось достоянием только одиноких.

Небесный свет о дивных чудесах дивного Бога, свет о новом бытии и о конце старого, свет, озаривший темное бытие мира, с первых дней христианства и до последнего времени исходил от этих одиноких избранников Божиих, от иноков; исходил из пустынных монашеских келий, где совершалось в лаборатории духа великое тайнодействие: жительство «на земли» претворялось в жительство «на небеси»; темное, дебелое вещество одухотворялось и сияло неземными лучами; грешная телесность претворялась в святую плоть; вода многих покаянных слез – в вино веселия вечного, земной человек – в небесного ангела.

Там, в огне внутренних борений и тайного келейного плача падение духа человеческого в вещественность, его овеществление изменялось, преображалось действием Божественным. Падший дух человеческий, превратившийся в плоть и пресмыкающийся в прахе ее похотствований, освобождался от власти похоти плоти, окрылялся благодатным вдохновением и воспарял от земли в горня, где и озарялся лучами «незаходимого Солнца», светился Его Светом, превращался в свет: *Вы – свет мира.*¹³

И тленная, темная плоть – вечная подруга духа и рабыня страстей, увидев преображенный и светлый лик своего бестелесного руководителя – умного духа, и сама преображалась от его света, становилась прозрачной, нетленной и светила неземными лучами.

И земной человек превращается в небесного ангела: омраченное создание сияло лучами «незакатного Солнца». Из огня борений и плача выявилось новое бытие, вечное, нетленное; раскрывались тайны Царствия Божия здесь, на земле, в светлых ликах нового творения, в ликах святых.

К этой светлой вселенской заутрене
дивного Воскресения,

¹² 1 Кор. 7, 29–31.

¹³ Мф. 5, 14.

К этому светлому преображению
творения,
К раскрытию тайн Царства Божия на
земле...

Путь был дан и указан (*Я есмь путь, – сказал Господь¹⁴*), и возможность полная была дана в таинстве Бога, облекшегося в наше естество. Но человечество, воспринявшее христианство внешне, поверхностно, восприняло его как религию обновленной морали, но не как религию чуда, не как религию Воскресения и действительного выявления нового необычного, иного бытия.

И тем самым изрекло над собой приговор своего конца. Предав своего Бога-Спасителя – свою жизнь Божественную – на распятие (ибо жизнь христианского человечества в веках есть распятие Бога), оно тем самым обрекло себя на духовную катастрофу, вслед за которой неизбежна катастрофа и физическая.

Сроки, данные человечеству для восприятия жизни Божественной, истекают. Данная возможность своего изменения, преображения отвергнута. Воля человеческая окончательно определяется и проявляет себя к Богу и ко всему Божественному отрицательно, злобно, с неистовой ненавистью. Этим самым ускоряется приближение конца, окончательной катастрофы.

Самым существенным признаком надвинувшегося конца служит разрушение очагов света, озарявшего темную землю, разрушение келий и монастырей, уничтожение монашества. Последние «умные лучи» этого келейного света, блеснувшие над темной землей из последних благодатных монашеских келий, – это преподобные Паисий Величковский, Серафим Саровский, святитель Игнатий Брянчанинов, Оптинские старцы, святой отец Иоанн Кронштадтский и другие, – озарили грустную землю уже особым трепетным светом: тихим, вечерним, закатным светом – светом конца.

В этом свете хотя и чувствовалась небесная улыбка, но в лучах его трепетала и тайная скорбь последних времен – скорбь за грешный, непреображенный мир, идущий к своему грозному неотвратимому концу. В этой светлой скорби последних святых и почувствовался закат монашества, а с ним закат и христианства, почувствовался конец мира.

В этой тайной скорби святых мы увидим тихий свет неземных лучей, кротко блеснувших над землей и возвестивших нам надвинувшийся вечер земли, вечер христианского человечества. Это были последние лучи закатного света христианства перед грядущим утром нового дня, к которому мы и приблизились.

Ныне же нас покрыла темная ночь. Мы вошли в мрачную ночную эпоху. И путь наш – без луны и без звезд. Путь наш – во мраке. И дойдем ли мы, одинокие и сиротливые, до врат нового «умного бытия»?

Озарят ли нас лучи «незакатного Солнца»? Переплывем ли мы, слабые и бессильные, это темное море страстей? Увидим ли радостный берег «новой земли»?¹⁵ И на чем переплывем, когда апостольский корабль разбит?

Хотя сам апостол, просветитель языков, плывший на корабле со спутниками своими, и спасся, но только на обломках от корабля.¹⁶

И это для нас, немощных и колеблющихся, – сокровенный «образ знамения», бодрящий и спасительный, охраняющий нас от возможного уныния, малодушия и отчаяния. Крепко держась за «обломки», и мы спасемся, по слову апостольскому, и будем выброшены

¹⁴ Ин. 14, 4.

¹⁵ См. Откр. 21, 1.

¹⁶ См. Деян. 27, 41–44.

из зыбкой пучины на твердый берег: из бытия плотского, гибнущего, грешного – в бытие новое, «умное», божественное.

Глава V

Современное восточное монашество утерюло тайну нового бытия, которая скрывалась в «умном делании». Этим оно приблизило конец. Исчезновение монашества и «овеществление духа» – признаки конца. Благодатных наставников нет, и остаток христиан должен спастись Писаниями отцов и молитвенными слезами

«Обломками» от апостольского корабля для нас служат Писания отцов и их спасительный плач. На этих «обломках» и будем спастись и входить в новое бытие, духовное, разумное. Ибо старое бытие – вещественное, плотское – гибнет, разрушается. Оно и есть тот «песок», о котором Спаситель сказал, что «не устоит дом, построенный на песке».¹⁷ Не устоит и всякая душа, созидающая себя «на песке» земных вожделений и плотолубия, «на песке» внешнего благочестия, разрушится. Писания отцов и покаянный плач перед Богом есть та единственная спасительная основа, на которой может устоять дом души от разрушения.

Живого, благодатного руководства для нас не стало, оно исчезло. Да и книги спасительные исчезают по намеченному плану, по системе. Живое руководство было в монашестве, в опытных тружениках «умного делания». Но само монашество оскудело изнутри повсеместно, оскудело «умным деланием», утерюло тайну нового бытия. Потому оскудело и руководителями. Оскудение произошло давно и произошло незаметно.

Еще в XIV веке преподобный Григорий Синаит жаловался, что он обошел всю Гору Афонскую и между тысячами иноков нашел только три сосуда благодати, которые имели некоторое понятие об «умном делании» (см. святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II). А наш благословенный святитель Игнатий Брянчанинов сто лет тому назад писал, что «ныне они так редки, что можно безошибочно сказать: их нет».

«И за особеннейшую милость Божию признается, если кто, истомившись душою и телом в монашеском жительство, к концу этого жительства неожиданно найдет где-либо в глуши сосуд, избранный нелицеприятным Богом, униженный перед очами человеков, возвеличенный и превознесенный Богом. Так, Зосима нашел в Заиорданской безлюдной пустыне, сверх всякого чаяния, великую Марию. По такому конечному оскудению в духоносных наставниках отеческие книги составляют единственный источник, к которому может обратиться томимая голодом и жаждой душа для приобретения существенно «нужных познаний в подвиге духовном»» (см. святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II).

Монастыри, эти хранители «умного света», разрушились, потому что само монашество разрушило основу монастырей – оставило «умное делание». Оставление «умного делания» и увлечение монастырей в последние времена стяжанием внешнего довольства и славы, увлечение внешним благочинием и пышностью было тяжким грехом и дерзким нарушением данных монашеством обетов. Долготерпение Божие не потерпело попираателей обетов и предало их грозному суду: монастыри разрушены, и монашество упразднено.

¹⁷ См. Мф. 7, 26–27.

Призвание монашества заключалось не в том, чтобы только носить черную одежду отречения, а жить по-мирски, отделившись от внешнего мира, в монастырях. Путем такого внешнего, искаженного монашества многие шли, не разумея «умного», сокровенного смысла истинного Божия иночества.

Любившие мирскую жизнь под монашеской одеждой были внешним монашеством. Такому внешнему монашеству не было благословения от Господа Бога.

Новый Адам – Богочеловек, Господь Спаситель – был родоначальником нового, иного человечества, и монашество призвано было быть живым носителем этого иного, нового богочеловечества. А для этого ему был указан благодатно-действенный «умный путь» – отречение «умной» души от мысленных одежд мира сего: от помыслов, мечтаний и вожделений плоти, – и удаление в иноческую обитель, в иное обитание, удаление в иное житие – невещественное, духовное, ангельское, в житие «умное».

С утратой сего «умного жития» монашество утратило право перед Богом на существование. «Умное житие» было корнями духовного бытия монашества, было его душой. Когда корни были подрезаны, – и древо монашества увяло, умерло. С потерей внутреннего недолго продержалось и внешнее; разлетелось как прах, возметаемый ветром.

Эта катастрофа, постигшая монашество, была видна уже давно, но не всем; видели ее только некоторые иноки, духовно прозревшие. Ясно ее видел благодатный святитель Игнатий, писавший еще в свое время о сем такими словами: «Монашество доживает в России и даже повсюду данный ему срок. В современном монашестве потеряно правильное понятие об «умном делании». А без «умного делания» монашество есть тело без души. Посему и восстановления монашества не ожидаю».

Теперь и мы увидели исполнение этих богодухновенных грозных строк пророческих. Монастыри, как основа Православной Руси, кончились; а с ними и монашество, как основа и душа православного христианства, тоже кончилось, дожило свой век и исчезло. Не стало в монашестве «умного делания», не стало и самого монашества, которое было Богом призвано для этого священного делания. А с исчезновением монашества как живого носителя духовного бытия человечества в христианском мире проявились грозные признаки конца мира, признаки его неизбежной катастрофы, его окончательного распада, разложения. Ибо монашество было той «солью», которая его сдерживала от окончательного гниения.¹⁸ Когда же сама «соль» потеряла силу, – миру пришел конец. *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный.*¹⁹

Человеческий мир духовно оскудел, состарился, уже не может дать тех, которые вмещали бы и вынашивали его тайну. А тайна мира есть тайна христианства, тайна Христова. Мир существовал ради сей тайны. С исчезновением носителей сей тайны исчезнет и сам мир. Носителями сей тайны были святые иноки. Иночество держало и мир.

Когда же человеческий мир духовно оскудел, овеществился, дух человеческий окончательно превратился в плоть, в материю и больше не может дать духовного материала, пригодного для бытия «умного», невещественного, божественного. Дальнейшее существование вещественного, плотского мира не имеет смысла, ему должен быть конец. Ибо материал – человеческая и материальная среда, человечество, – существуют только для развития духа человеческого, существуют до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла, в сторону светлой духовности или темного, плотского овеществления.

Если же сам дух избрал для себя темное, плотское, материальное овеществление и окончательно повернулся в его сторону, то тем самым он и самоопределился. Этим он умертвил в себе возможность светлого духовного бытия, умертвил в себе возможность благодат-

¹⁸ См. Мф. 5, 13.

¹⁹ Пс. 11, 2.

ного развития светлого бессмертия в пределах необъятной вечности. Дух, превратившийся в плоть, в материю, подпал под власть непререкаемого закона материи: закона распада, разложения, смерти.

Исчезновение монашества, как духовного бытия человечества, и всеобщая ненависть к нему и к христианству – это характерные и самые существенные, неопровержимые признаки конца вещественного мира и овеществившегося духа. Ненависть к христианству является выразительным признаком духовной опустошенности ненавистников, окончательного ниспадения духа в плоть, в вещественное, вожденно-плотское бытие. И ненависть к монашеству есть характерный признак внутреннего распада духовной личности, ее всецелой обмирщенности, ее окончательного конца. Это является существенным свидетельством обезбожившейся души, превратившейся в «плоть и кровь», чуждой христианству.

Кто не понимает монашества, тот не понимает и христианства. Кто ненавидит монашество, тот ненавидит и христианство, тот ненавидит Господа Христа, хотя бы он и веровал в Него. Такая вера – не спасительная; она не есть вера отцов, она – не православная. Эта вера еретическая, сектантская, антихристианская.

И в последних временах весь мир – и безбожный, и так называемый «духовный», охвачен этой верой, исполненной духом ненависти к монашеству. Непримируемая смертная ненависть к монашеству объединила, сроднила эти два мира диаметрально-противоположные: миролюбие, антихристианство, именующее себя христианством, соединилось с безбожием, с богоборчеством.

Миролюбцы – это скрытые внутренние враги христианства; своим гордостным, плотлюбным житием они отрицают бытие Божие. Потому они в едином духе с безбожием объединились в ненависти к самой душе христианства – к монашеству, и этим обнаружили свою окончательную и непримиримую ненависть ко Христу, выявили свою принадлежность к духу антихриста. А дух антихриста есть дух злобный: он плотский, земной, вещественный, конечный, а посему и погибельный, попирающий святые заповеди Господа Христа и ненавидящий живых носителей сих животворящих заповедей Живого Бога. В духе этом сокрыто таинство конца, или, выражаясь языком Евангелия, таинство жатвы, предуказанной в притче Спасителем.²⁰

Ненависть к монашеству является из всех выявившихся признаков самым грозным признаком окончательно сформировавшегося богоотступления, «тайны беззакония», прикрытой рясой благочестия. Это – признак конца христианства, конца земли.

Как ни странно, а в историческом движении носителем этой ненависти к монашеству, а потому и к христианству, было духовенство,²¹ предстоятели престола. Современное духовенство и мир смотрят ныне на монашество как на своего злейшего врага и относятся к нему со смертельной враждебностью.

Ненависть темного, непросвещенного, языческого мира и ненависть богоотступного духовенства к монашеству не является случайной. Она имеет свою историю с древних времен Церкви Христовой. Арианство, несторианство, иконоборчество и другие ереси, потрясавшие Церковь, испытали на себе весьма чувствительно духовную силу монашества. Потому и ненавидят его, потому и жаждут его уничтожения.

Выявившаяся ненависть к монашеству в наших временах (не всеми еще примеченная) служит таинственным законом окончательно завершившегося богоотступления и неопровержимо свидетельствует, что наступила для христианства и для монашества, как носителя тайны Христовой, наступила ночь Гефсимании: Иуда руководит темной и злой массой, уче-

²⁰ См. Мф. 13, 30–39.

²¹ Мнение автора о противостоянии духовенства монашеству относится к концу XIX – двадцатым годам XX века и касается тех еретиков и части духовенства, которые примкнули к «обновленчеству». – *Примеч. первых издателей книги.*

ник Христов является зачинщиком богоубийства. Сей Евангельский образ служит страшным знамением, грозным пророчеством о наших днях. И сего не стоит забывать.

Сей грозный образ знамения проявился в выразительном и ярком «объединении» безбожия с богоотступлением; в нем же сокрыта тайна конца, или, выражаясь языком Евангелия, тайна жатвы, предсказанной в притче Спасителем: *во время жатвы Я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь*.²²

Это всеобщее объединение и мирских, и «духовных» в ненависти к монашеству – как к сущности христианства – их общая жажда уничтожения и тех невинных остатков монашества, какие уцелели от разрушенных монастырей, и есть таинственное «связывание плевел в связки» перед концом, перед огнем. Невидимая рука Ангелов готовит их к огню. Объединилось то, что чуждо христианству. Объединилась «плоть и кровь», чуждые духовного бытия, чуждые Царствия Божия; и это должно быть сожжено Божиим Судом. А если приглядеться к их плотолюбному и бесстрашному житию, прикрытому рясой, то они и ныне сожжены в своей совести. Прежде вечного огня они уже горели в адовом огне неугасимых страстей алчности, плотолюбия и взаимной ненависти.

Увидев это пророчественное таинство, остаток христиан должен восклонить свои головы, поднять вверх, устремить ум к горнему, усилить «умное делание», ухватиться за внутреннее – за внимание к помыслам, за сие невещественное делание святых отцов, которое только и может увести нас от жития вещественного, плотского, гибнущего, и на сем пути руководствоваться их богодухновенными Писаниями. Только этим и может спастись «умная личность христианская» от окончательной и неминуемой гибели, ибо живого руководства нет; духоносных наставников и благодатных старцев, которые непогрешительно указали бы нам путь спасения, нынче не стало. Поэтому нам и нужно ухватиться за Писания отцов, как за спасительный «обломок» от апостольского корабля, и спастись этим «обломком» и покаянным молитвенным плачем.

Путь нам указан – от внешнего к внутреннему, ко вниманию к помыслам и к непрестанной молитве.

Кто «внутри» – тот на правильном пути, ибо только внутренняя жизнь и есть истинно христианская жизнь. Так свидетельствуют все отцы.

²² Мф. 13, 30.

Глава VI

Святые отцы опытно знали тайну спасения человека и создали о сем опытную науку, науку о «трезвении». Сокровенный смысл «трезвения» и сущность его делания

О внутренней молитвенной жизни, о внутреннем внимании к помыслам святые отцы создали опытную науку, стройную и совершенную, которая хранится в их богомудрых Писаниях. Эти Писания отцами созданы по внушению Духа Божия для последних времен, созданы для нас.

Святые отцы, Духом Божиим провидя, что мы, живущие в последние времена, осиротеем, останемся без наставников, без руководителей этому спасительному деланию, оставили нам в руководство несколько опытных, существенно важных советов в деле усвоения спасения, в деле усовершенствования себя в молитвенном подвиге.

По святоотеческому разуму, в основе опытного богопознания, в основе опытного усвоения спасения, усвоения начала нового бытия лежит «умное делание», или «трезвение», которое состоит из внимания к помыслам и **н е п р е с т а н н о й м о л и т в ы** Иисусовой, заключающейся в словах: **«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»**.

Внимание и непрестанная молитва и есть та мысленная деятельность, из которой и складывается «умное делание». Это «умное» невещественное делание есть сокровенное таинство отцов и неудобьсказуемое. Нет слов на человеческом языке, чтобы можно было полностью изъяснить это таинство. Никакими подобиями и сравнениями не уяснишь его.

«Непрестанная молитва, как заповедь Божия и дар Божий, необъяснима человеческим разумом и словом», – говорит святитель Игнатий Брянчанинов (Аскетические опыты. Т. II).

«Это Божественное делание священной «умной» молитвы было непрестанным делом древних богоносных отцов наших, – говорит Паисий Величковский. – И пусть будет известно, что, по неложному свидетельству богомудрого преподобного и богоносного отца нашего Нила Синайского,

Постника, еще в раю Самим Богом дана первозданному человеку умная Божественная молитва. Но несравненно большую она стяжала славу, когда более всех святых Святейшая, Честнейшая Херувимов и Славнейшая без сравнения Серафимов, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая святых, «умною молитвою» взошла на крайнюю высоту боговидения и сподобилась быть «Пространным Селением» невместимого всю тварь, Ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова. [...]

И кто возможет по достоинству похвалить божественную «умную молитву», деятельницей которой, наставляемая руководством Святаго Духа, была Сама Божия Мать?» (преподобный Паисий Величковский. Об «умной молитве»).

«Умная молитва» достойна Божественных хвалений, ибо вмещает в себя имя Всехвального Бога Всеславного. Она неизъяснима, как неизъясним Сам Бог, имя Которого она носит. Это – Божественное таинство, величественное исполнение Божиих чудес, славных и неопикуемых.

Сокровенный смысл «умного делания», или «трезвения», или «непрестанной молитвы» – в таинстве «богоношения» и выявления лика Христова в лице человеческом. В этом и секрет, тайный смысл «трезвения», или «умной молитвы» святых отцов.

«Умная молитва» есть «умный» подвиг воли «умной» души, совершающей благодатное таинство покаяния. В этом таинстве душа усовершенствуется в земных условиях в деятель-

ности для загробной жизни, где раскроется перед нею славная и неопиcуемая деятельность необъятного Божественного совершенства совершенного Бога.

«Умное делание» есть сокровенный путь к ангельскому житию на земле. «Умное делание» выводит нас из бытия гибнущего, земного, смертного, плотского и вводит нашу умную природу в новое бытие – в вечное, небесное и бессмертное, божественное; «обновляет человека и по душе, и по телу» (преподобный Симеон Новый Богослов).

«Умное делание» есть херувимское «богоношение» душой Бога Слова. «Умное делание» есть забытый монашеством путь опытного богопознания. Монашество, носящее ангельский образ без ангельского делания, не есть монашество; это – пустоцвет, тело без души.

В «умном делании» – сущность монашества, а в монашестве – сущность христианства. Без «умного делания» нет монашества, без монашества нет христианства.

В «умном делании» сокрыты тайны Царствия Божия, постепенно открывающиеся Духом Божиим только тому, кто вступил на путь опытного усвоения покаяния.

Никакими искусственными пособиями эти тайны не раскрываются. Непрестанная молитва дается непрестанному покаянию. Единственно верное пособие, которое не повредит легких и не помутит ума, не ввергнет в «прелесть» – это непрерывная покаянная молитва, в сокрушении сердца Богу приносимая: «Помилуй». Эту жертвенную молитву сокрушения Господь Бог не презрит. Ибо только покаянию отверзаются двери тайн Царствия Божия. И это путь незаблудный.

Тому, кто узрел близкий конец вещественного мира и кто в чувстве сердца узрел и свой близкий конец, неизбежный и неотвратимый, какая иная молитва может более приличествовать и более удовлетворять, кроме сей краткословной и многоместительной? Кто помышляет о смерти и о скором предстоянии перед Судом Божиим, у того может быть только одна неустанная забота: прежде конца успеть испросить себе милость у Господа Бога.

А потому сия молитва в процессе делания и превращается в немолчный вопль души: «Помилуй!»

Это делание и есть «тайна спасения» апостольского корабля, в котором спасались древние отцы и за который не держалось монашество в последних временах, потому и погибло. Оно держалось за внешнее одеяние, за стяжания, за внешнее благочестие, потеряв при этом внутреннее «умное делание» – внимание к помыслам и «умную молитву». А потеряв «умное делание», оно потеряло себя.

Теперь это ангельское делание будет принадлежать тем, кто ухватится за него изнутри, кто обретет внутренний путь к Богу: узкий путь «умной» тесноты. Это и будет монашество внутреннее, сокровенное. Ибо сия сокровенная тайна Царствия Божия внешним не вверяется. Она для них недоступна.

«Умное делание» есть, по существу, делание внутреннее, сокровенное, ангельское. Оно же и есть «трезвение».

А «трезвение», по учению святых отцов, есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божией помощью совершенно избавляет человека от страстных помыслов и слов, и худых дел, дарует ему верное признание Бога непостижимого, сколько сие возможно для нас. И сокровенное разрешение сокровенных божественных тайн и есть творитель всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и всякого блага будущего века податель.

Само же оно есть, собственно, «чистота сердца». А чистота сердца и есть «молитвенное хранение ума от злых помыслов» (преподобный Исихий). Следовательно, сущность «трезвения» – в непрестанной молитве и во внимании ума к помыслам.

Вот за это делание отцы нам и предлагают ухватиться как за спасительную тайну. А делание сие поистине спасительно, многомощно и действительно спасает держащихся за него

с верою. Ревнующий о спасении своей души от неминуемого потопления да ухватится за нее крепким своим усердием и будет спасен. А благому усердию всегда Сам Бог Помощник. Имеющий уши слышать – да слышит! Ибо это голос святых отцов, голос Святого Духа Божия.

Глава VII

Святоотеческое учение о «трезвении» начинается с познания нашей «умной природы», умерщвленной грехом в Адаме, и указания средства, приводящего к воскресению. Простота, доступность и величие средства

«Умная молитва», как верное средство спасения нашей «умной природы» от неизбежного потопления в мысленном грехе, предлагается отцами потому, что другого средства и нет, столь действенного. Ибо никто так не познал нашей «умной сущности» – нашей души и ее тяжкой болезни, как богомудрые отцы. Потому и предлагают они это святое средство.

В долгих и многих слезах, при содействии Божественной благодати откровения, они познали личным опытом тайну человеческой личности и ее скрытую, таинственную болезнь, болезнь всего рода нашего, и обрели спасительное средство, при содействии Божиим, к излечению сей болезни. Исцелившись сами и испытав на себе многомогущее, благодатное действие сего средства, они, любя нас, и предлагают его для нашего исцеления.

Они познали, что «умная природа», наша душа, умерщвлена грехом в нашем праотце Адаме, и в нем мы все умерли и потеряли сокровенную ангельскую жизнь, некогда нам свойственную. И с тех пор бестелесная умная душа сделалась неразумной – «отелесилась», вся превратилась в плоть – овеществилась, сделалась плотской, вся пребывает в помыслах и ощущениях плоти, пребывает на земле. Небесная жизнь стала для нее недоступной.

Сильным словом описывает душевную смерть человека преподобный Макарий Великий. Он говорит: «Поелику человек в преслушании умер страшною смертью и принял клятву на клятву: *Тернии и волчцы возрастит тебе земля*,²³ – то на земле сердца его возродились и возросли тернии и волчцы. Враги обманом похитили славу его и облекли его стыдом. Похищен свет его, и облечен он во тьму.

Убили душу его, рассыпали и разделили помыслы его, совлекли ум его с высоты, и человек-Израиль стал рабом истинного фараона. И он поставил над человеком приставников и досмотрщиков – лукавых духов, которые понуждают человека, волею и неволею, делать лукавые дела – составлять «брение» и «плинфы».²⁴ Удалившие человека от небесного образа мыслей низвели его к делам лукавым, вещественным, земным и бранным, к словам, помышлениям и рассуждениям суетным. Потому что душа, ниспав с высоты своей, встретила человеконенавистническое царство и жестоких князей, которые понуждают ее созидать им греховные грады порока. Если же душа вздохнет и возопиет к Богу, то ниспосылает ей духовного Моисея, избавляющего ее от египетского рабства. Но прежде пусть вопиет и стонет, и тогда увидим начало избавления» (Беседа 47-я, 6–7).

Вот здесь и приходит на помощь умерщвленной «умной» душе ее «умный вопль» – многомогущая непрестанная Иисусова молитва, оживотворяющая душу.

В этом «таинстве взывания» душа обретает свою жизнь, свое оживление, воскресает для нового бытия – духовного, небесного, обретает дар жизни божественной.

Этот дар божественной жизни дарован всякому крещеному во имя Господа Иисуса Христа.

²³ Ср. Быт. 3, 18.

²⁴ То есть асфальт и кирпичи.

В купели Крещения душе дается сей дар духовной, благодатной, ангельской жизни, дается даром. Но редко кто сохраняет в себе этот дар, а потому и редко кто живет духовной жизнью. Большинство из крещеных, уже в детском и отроческом возрасте страстями своими потоптав сей светлый дар, пребывают до смерти в жизни плотской, похотной, не подозревая того, что жизнь плотская есть смерть духа.²⁵

Но дар сей не истребляется в нас грехами нашими, а только зарывается, как некое сокровище, в «земле» наших всевозможных страстей. И от нас зависит: раскрыть в себе это сокровище небесной жизни, этот дар благодати, или оставить его зарытым.

Обретается нами это сокровище на поле покаяния. Покаяние есть второе крещение; и покаянием дается сей дар небесной, духовной жизни. В покаянии благодатью Святого Духа мы оживотворяемся, и сия благодать вводит нас в святое таинство дивного богообщения.

Эту мысль прекрасно выражает преподобный Григорий Синаит такими словами: «Следовало бы нам, приняв духа жизни о Христе Иисусе, чистою в сердце молитвою, херувимски беседовать с Господом; но мы, не разумея величия, чести и славы благодати возрождения и не заботясь о том, чтобы возрасти духовно через исполнение заповедей и востечь до состояния «умного созерцания», предаемся нерадению, через что впадаем в страстные навыки и низвергаемся в бездну нечувствия и мрака. Бывает и то, что мы даже мало помним – есть ли Бог».

А каковы мы должны быть, как чада Божии по благодати, о том совсем не знаем. Веруем, но верою недейственной, и по обновлении Духом в крещении не перестаем жить плотски. Если иногда, покаявшись, и начинаем исполнять заповеди, то исполняем их только внешне, а не духовно, и до того отвыкаем от духовной жизни, что проявления ее в других кажутся нам неправостями и заблуждениями. И так до самой смерти пребываем мы в заблуждениях, мертвыми духом, живя и действуя не во Христе, и не соответствуя тому определению, что рожденное от Духа должно быть духовно.²⁶

А между тем, принятое нами во Святом Крещении о Христе Иисусе не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище в земле. А благоразумие и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и привести в ясность.

Как же это делается? К этому ведут следующие два способа:

во-первых, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей, так что поколику исполняем заповеди, потоплику дар сей обнаруживает свою светлость и свой блеск;

во-вторых, приходит он в явление и раскрывается непрерывным призыванием Господа Иисуса, или, что то же, непрерывной памятью о Боге.

И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое получает от него полную свою силу.

Посему, если искренне хотим раскрыть сокрытое «в нас семя благодатное, то поспешим скорее привыкнуть сему последнему сердечному упражнению и иметь в сердце это одно дело молитвы, безвидно, не воображенно, пока оно согреет сердце наше и распалит его до неизреченной любви ко Господу. Тем, которые еще не имеют действия молитвы, надо много молитвословить, и даже без меры, чтобы непрерывно быть в этом много-молитвословии и разномолитвии, пока от такого преболезненного труда молитвенного разогреется сердце и начнется в нем действие молитвы. Кто же вкусит, наконец, этой благодати, тому надо молитвословить в меру, а больше пребывать в «умной молитве», как заповедали отцы» (Добротолюбие. Т. I).

Вот благодатное средство к оживотворению нашей умерщвленной души, средство божественно простое, доступное всякому и удоисполнимое. Из всех великих и бога-

²⁵ См. Рим. 8, 5–8.

²⁶ См. Ин. 3, 6.

тых даров Господних, данных бедному грешному творению человеческому, порабощенному демонами, [но] данных в таинстве святого Боговоплощения и спасающих нас от этого порабощения, это последний, величественный и совершенный дар совершенного Бога – спасаться непрестанным призыванием имени Его.

А это и значит – молиться молитвой Иисусовой.

«Моление молитвой Иисусовой есть установление Божественное. Установлено оно не через посредство пророка, не через посредство апостола, не через посредство Ангела, но установлено Самим Сыном Божиим и Богом», – говорит святитель Игнатий.

«После Тайной Вечери, между прочими возвышеннейшими окончательными заповеданиями и заветами, Господь Иисус Христос установил моление Его именем, дал этот способ моления как новый, необычный дар, дар цены безмерной. Апостолы уже знали отчасти силу имени Иисуса: они исцеляли им неисцелимые недуги, приводили в повиновение бесов, побеждали, связывали, прогоняли их.

Это могущественнейшее, чудное имя Господь повелевает употреблять в молитвах, обещая от Него особенную действенность для молитвы: *если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю.*²⁷

*Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите у Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна.*²⁸

О, какой это дар! Он – залог нескончаемых, бессмертных благ! Он истек из уст Неограниченного Бога, облеченного в ограниченное человечество, нарекшегося именем человеческим – Спаситель.

Имя по наружности своей ограниченное, но изображающее собою предмет неограниченный – Бога, заимствующее из Него неограниченное Божеское достоинство, Божеские свойства и силу.

Податель бесценного нетленного дара! Как нам, ничтожным, бrenным, грешным, понять этот дар? Не способны на это ни руки наши, ни ум, ни сердце. Ты научи нас познать по возможности нашей и величие дара, и значение его, и способ принятия, и способ употребления, чтобы не приступить нам к дару погрешительно, чтобы не подвергнуться казни за безрассудство и дерзость, чтобы за правильное познание и употребление дара принять от Тебя другие дары, Тобою обоснованные, Тебе Единому известные» (святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II).

«Итак, с верою призвав сие спасительное имя, досточтимое и страшное для всякой твари, которое паче всякого имени, и мы, недостойные, смело подыдем, с помощью Его, ветрила настоящего слова и начнем *протираться в предня*²⁹» (святый Каллист).

²⁷ Ин. 14, 13–14.

²⁸ Ин. 16, 23–24.

²⁹ Ср. Флп. 3, 13.

Глава VIII

Святоотеческое учение о «трезвении» есть величественное таинство, которое раскрывается вступившим на путь возрождения. Сущность возрождения души. Признак возрождения души

«Собравши все в себе и очистив ум – услышьте величие таинства!» – так восклицает божественный и святой Григорий Палама, уясняя учение о «трезвении», или об «умном делании». Поистине, святоотеческое учение о «трезвении», об опытном богопознании есть величественное таинство. И наука об этом божественном предмете у святых отцов стройна и преславна, достойна чести ума бесплотных Ангелов, потому и названа богомудрыми отцами «наукой из наук», «художеством из художеств» и таинством.

Около сорока святых отцов в «Добротолубии» изъясняют это учение о сем мысленном делании, о житии невещественных горних умов, желая сделать его более доступным для нашего вещественного плотского понимания. И все же оно остается прикровенным, недоступным для *мудрых и разумных*,³⁰ пребывающих в житии плотском, вещественном. Только в процессе внутреннего отрешения от вещественного, плотского бытия, в слезном труде молитвенного опыта постепенно раскрывается его сокровенный смысл, исполненный потрясающего божественного величия.

Сокровенный смысл «трезвения» и «умного делания» настолько величественен, что слуху и разуму, «мудрецам» от внешнего книжного богословия совершенно недоступен. Ибо «внешним», поглощенным вещественными, плотскими интересами, и не дано знать этих скрытых духовных тайн Царствия Божия. Живущим по плоти и не отрешенным от плотского мудрования, то есть от плотского жития, духовное, ангельское житие и разумение не воспринимается ни разумом, ни чувством. Оно органически недоступно для них так же, как для сознания минерала недоступно понятие о жизни цветка. Для этого нужно пройти через чудо: камню превратиться в цветок, а человеку – из телесного, или плотского, возродиться в духовного, пройти через божественную купель духовного возрождения. Только тогда душа входит в сокровенное таинство «умного делания», или «трезвения».

Об этом самом предмете и вел беседу Спаситель с мудрым еврейским богословом Никодимом, не разумевающим сего таинства.³¹ Ибо внешнему, книжному богословию жизнь духа недоступна. Внешнее богословие о вещах внутренних, духовных составляет и понятие внешнее. Речений Слова, словес Духа ученый разум, наученный от книги, не слышит и не разумеет. «Рацио»³² духовного сознания не воспринимает.

Духовное знание дается духовному житию. В меру благодатного жития бывает и мера благодатного ведения. «Душа видит истину Божию по силе жития» (преподобный Исаак Сирин. Слово 30-е).

Превратно понимали те, кои считали достаточным одного книжного богословского образования для духовной деятельности, для предстояния перед престолом Божиим.

Это понимание не православное – протестантское, рационалистическое, вводящее в заблуждение, пагубное для дела Божия, чуждое Духа Божия. В таком понимании скрывалось

³⁰ Мф. 11, 25.

³¹ См. Ин. 3, 3–5.

³² «Рацио» (лат. ratio – разум) – имеются в виду люди, признающие разум основой познания и поведения человека. – Ред.

не только невежество духовное, но и скрытая, тайная враждебность к христианству, к Церкви Божией. Это понимание проводили в жизнь скрытые враги христианства.

Одно книжное никодимовское богословие без жития по Божию Слову – пустоцвет, тело без души, труп. И притом – труп, исполненный трупного яда и отравляющий всякого, кто прикасается к нему неосторожно.

Богословское ведение без духовного жития смертоносно, убийственно для души. Дух животворит, а буква отравляет, мертвит, убивает.³³ От этого яда погибли такие богословски многообразованные духовные мыслители первых веков церковной жизни, как Македоний, Арий, Несторий и другие. Да и все, прикасавшиеся к книжному богословию (в семинариях и академиях) без жития по Богу, на протяжении веков гибли, за исключением весьма редких счастливых, мудро ограждавших себя житием духовным.

Небезопасно пускаться в море богословия тому, кто изнутри не огражден смиренным житием перед Богом и пребывает в плотском житии. Поэтому Господь и уверял ученого Никодима, что одна внешняя буква о Боге не дает ведения тайн Божиих, – она ослепляет, мертвит. Чтобы разуметь духовное и ведать духовно, нужно стяжать оживотворение от Духа Божия.

*Истинно, истинно говорю тебе, – говорил Господь, – если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.*³⁴

В этих словах Господних указывается на таинство, вводящее нас в трезвенную, «умную», в божественную жизнь. Таинство это есть возрождение души от Духа Божия. Без сего возрождения не бывает в нас и самой жизни умной, трезвенной, духовной. Мы пребываем в смерти всевозможных страстей. Мы духовно мертвы.

До возрождения духом всяк человек есть «плоть», по слову Господнему, то есть весь пребывает в интересах плоти и ее похотей и не имеет в себе духовного бытия. Своей бес-телесной «умной» сущностью пребывает мертвецом в тине земной, и для него недоступно пребывание «на небеси», то есть в помыслах и ощущениях небесных, божественных, бес-смертных, так как он мертвец и пребывает во власти смерти. Жизнь «на небеси» доступна только рожденным свыше от Духа.

Для жизни животно-растительной, плотской рождает человек. Для жизни божественной, умно-духовной рождает Бог Своей велемощной Творческой благодатью Духа. *Невозможное человекам возможно Богу.*³⁵

И сия новая духовная жизнь рождается в купели покаяния и слез для всех потерявших благодать Крещения. Другого пути в Царство жизни, в Царство Божие – нет. Так учат все отцы.

В сие таинство новорождения свыше, в благодатную купель слез вводит сия маленькая сокровенная молитовка Иисусова.

Чудным, непостижимым действием благодати Божией мертвый человек превращается в живого, из камня (бесчувственного ко всему духовному) – в благоухающий небесный цветок ангельской жизни.

Таковы цветы на земле, возродившиеся духом из камней, облагоухавшие вселенную и поныне благоухающие. Это лики святых: святая Мария Магдалина, преподобная Мария Египетская, преподобная Пелагия, преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский – и имже несть числа. Все это нетленные лики, небесные цветы, возросшие на почве «трез-

³³ См. 2 Кор. 3, 6.

³⁴ Ин. 3, 3, 6.

³⁵ Лк. 18, 27.

вения», или «умного делания», на почве непрестанной молитвы, ненасытимого любления Господа Спасителя Иисуса.

Возлюбив «умную молитву», в ней они возлюбили Вечную Жизнь, Вечную Любовь. Молитва привела их к жизни в любви (преподобный Исаак Сирин. Слово 39-е).

Ибо непрестанная молитва есть выраженная непрестанная живая любовь души к Спасителю.

В сию живую любовь к Живому Богу, в небесный цветок Духа душа превращается тогда, когда пройдет через рождение от Духа. Ибо рожденное от Духа бывает Дух и исполнено Божественной духовности.

И в сие рождение вводит «умная молитва»; она и есть сокровенный, божественный путь души от плоти к духу, от земли к небу, от самолюбия – к вечной любви.

Это и есть тот таинственнейший и *превосходнейший путь* – путь любви, на который прикровенно указывает святой апостол.³⁶

Лежит сей путь через таинство смерти и воскресения, оно же и есть благодатное таинство духовного рождения свыше. «А рождение свыше бывает через покаяние», – говорит преподобный Симеон Новый Богослов.

Покаяние есть таинство смерти и воскресения. В этом благодатном таинстве умирает плотской, душевный человек, овеществившийся дух, превратившийся в плоть, окаменевший ко всему живому, духовному еще в праотце Адаме, и восстает новый человек, новый потомок родоначальника нового человечества Господа Иисуса Христа; восстает иной, благодатно живой, небесный, благоухающий цветок и усваивает новое бытие, новую благодатную жизнь, дарованную Господом Иисусом; весь изменяется, становится новой тварью во Христе. Вожделения и помышления плотские, земные отмирают и оживляют вожделения и помышления духовные, небесные, божественные.

Рождение свыше есть только первый вздох новой жизни благодатной, начало многослезного покаянного жития. Без сего святого момента рождения не бывает и жизни покаянной, благодатной. *Рожденное от плоти есть плоть* и пребывает в смерти духовной. *А рожденное от Духа есть дух* и пребывает в жизни духовной. Рожденное от плоти живет жизнью плотской, вещественной, плотолюбной. Рожденное от Духа живет жизнью духовной, небесной, божественной. Дух рожденного от плоти есть земной, похотно-вещественный, смертный, а потому и житие у него земное, похотно-вещественное, смертное.

Дух рожденного от Духа совсем иной: духовный, небесный, бессмертный; и житие у него духовное, небесное, бессмертное. Это и есть житие по Богу возрожденной души, или житие покаянное, благодатное.

Рожденный от плоти не знает жития покаянного, жития Божия; оно для него неведомо и недоступно. Для него нужно родиться свыше, из плоти превратиться в дух. Благодать возрождения и творит сие дивное изменение: вводит душу в новое Божие житие, в святое и спасительное житие покаяния. Этим житием покаяния и спаслись все святые Божии человеки.

Кто пребывает вне сего духовного жития, тот еще не родился от Духа, тот пребывает в смерти и не сможет войти в Царствие Божие, в то, что внутри нас существует, и в то, что есть в блаженной вечности.

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит, да и другие отцы, что сей момент рождения свыше переживается всякой родившейся душой явственно, ощутимо для нее. И кто не перешел через сей святой момент рождения ощутимо, тот еще мертв для жизни духовной, такому нужно стяжание благодати оживотворения. Сей момент есть начало иной жизни, жизни покаяния. Сей момент есть первый многоболезненный вздох вновь родившейся души,

³⁶ Ср. 1 Кор. 12, 31.

вдыхающей в себя с многими слезами новый, необычайный для нее живительный воздух – воздух покаяния.

Здесь впервые душа опытно вкушает сокровенный смысл таинственного речения отцов: «Отдай кровь и прими дух».

В таинстве покаянного жития и совершается сей дивный «обмен». Овеществившийся рыдающий дух, вступивший на путь покаяния, с неопикуемой болью претерпевает мучительную «операцию» благодати, которая выпускает из него кровь плотских вожелений и похоти, омывает в потоке многих горьких слез и облекает в новое световидное одеяние Духа, в жизнь божественного бессмертия.

Эти многие слезы бессмертного плачущего духа, с болью отрывающегося от смертной, плотской, плотолубной жизни, отрекающегося от сатаны и всех дел его и дающего клятвенный обет служить Господу Иисусу и творить Его заповеди даже до смерти, – эти клятвенные слезы покаяния и служат для него водной купелью, *банею пакибытия*,³⁷ в которой он и получает возрождение от Духа.

Все небесные «умные цветы» возрождались в сей бане, проходили через сей момент рождения, через сей первый вздох покаяния, через крик, боль и слезы, через клятвенное отречение от сатаны и всех дел его и через обещание Богу жить перед Ним в доброй совести; и потом все время поддерживали в себе жизнь духа благодатным вниманием, дыша божественным воздухом – воздухом покаяния.

Из вещественных и смертных они становились невещественными и бессмертными, из плотских – духовными, из земных – небесными. В этом и есть сущность возрождения, бывающего от Духа Божия через покаяние.

Святой Симеон Новый Богослов описывает сей момент рождения свыше весьма приметными и выразительными чертами. Он говорит такими словами: «Не прельщайтесь: «Бог есть Огнь, и когда пришел на землю и сделался человеком, вверг Огнь на землю»,³⁸ как Сам говорит». Огнь сей всюду обходит, ища себе «вещества», то есть доброго сердца и произволения, чтобы пасть внутрь его и возжечься.

В ком возжигается он, в том восходит и пламя великое, достигающее до небес, и не дает ему уже быть в бездействии или предаваться покою. Он не опаляет души, в которых возгорается, хотя возгорание сие бывает не без восчувствования его душою, как думают некоторые из мертвых душою. Душа не есть бесчувственное вещество, но есть существо чувствующее и разумное. Посему она в самом начале чувствует и сознание возгорания огня этого, и сие тем паче, что оно сопровождается чрезмерным и нестерпимым болезнованием сердечным.

Потом, когда огонь сей очистит нас совершенно от всякой скверны страстей, тогда навсегда уже делается внутрь нас и пищею, и питием, и светом, и радостью, и нас самих делает светом по причастию в той мере, в какой делаемся мы сами участниками Света Его.

Как печь возжженная сначала только коптит от дыма, исходящего от дров, а когда разгорится посильнее, тогда все делается светлым, подобно огню, и не омрачается уже никакой копотью от дыма, – так и душа, начавшая гореть божественным желанием, сначала видит вместе с огнем

Духа внутрь себя и тьму страстей, исходящую наподобие дыма, и сознавая, что эта сущая в ней мрачность от тьмы страстей есть ее собственное дело, – она плачет и сокрушается. Чувствуя же, как лукавые промыслы и злые пожелания попадают огнем, как терны и волчцы, превращаются в прах, душа радуется. Когда же все сие сгорит и естество души остается одно, без страстей, тогда существенно с ней соединяется и божественный оный

³⁷ Тит. 3, 5.

³⁸ См. Лк. 12, 49.

огнь, и начинает гореть и светить в ней, тогда и она делается причастницею сего мысленного огня, как печь – причастной огня вещественного; равно и тело причащается тогда сего божественного и неизреченного света, и бывает огонь по причастию.

Да ведаем, однако ж, что этому всему невозможно совершиться в нас, если мы не возненавидим мира и всего, что в мире, с готовностью даже и живот свой положить за сие дело Божие, – как говорит Господь.³⁹

«Иным образом огонь сей в нас и не возгорится» (святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II).

По благословенному разуму святых отцов, мы иначе не можем воспринять сей божественный огонь, возрождающий нас для жизни вечной, если не выполним предварительно главного Божия условия, а именно: чтобы воспринять Духа Божия, Духа возрождения, мы должны в сокрушительных клятвенных слезах отречься от духа мира сего, отречься от сатаны и всех дел его и дать обет верности Господу Иисусу. Без этого отречения не бывает и самого возрождения. Хотя мы именуемся христианами, но жизни Христовой в нас не бывает. Мы пребываем в самообольщении, воли Христовой не творим, а творим волю своих страстей, она же есть воля бесов. И не увидеть нам Царствия Божия, ибо мы не родились свыше. А без многослезного отречения от сатаны и дел его не бывает в нас и рождения от Духа Божия.

Благодатным и неоспоримым признаком того, что в душе возгорелся сей божественный огонь возрождения, пополающий вещество страстей и возжигающий в нас новую духовную жизнь, после многослезного отречения от сатаны и дел его, – таким признаком является пробудившееся внимание к своим помыслам и ко всему своему житию.

Внимание к помыслам и есть признак жизни. Тогда как отсутствие внимания, рассеянность и кружение в помыслах служат верным признаком душевной смерти. Кто живет невнимательно к своим помыслам и носится в вихре вредных мечтаний, тот еще не возродился свыше, тот еще пребывает в смерти. Живая, свыше рожденная душа становится весьма внимательной к своему уму, к своим помышлениям и не носится в вихре мечтаний вредных.

Благодать новой жизни пресекает эти вредительские мечтания и уводит обновленный ум в помышления духовные, небесные, покаянные.

Весьма выразительно описывается жизнь нерожденной и рожденной свыше души божественным Макарием и указывается на эти признаки. Он описывает это в таких словах: «Как если солнце взойдет над землей, то все лучи его на земле, а когда бывает оно на западе, тогда, отходя в дом свой, назад собирает оно все лучи свои, – так и душа, не возрожденная свыше духом, вся на земле своими помыслами, и мысли ее простираются до пределов земли.

Но как скоро бывает способна получить небесное рождение и общение от

Духа, воедино собирает все свои помыслы и удерживает их при себе, входит ко Господу в нерукотворенную обитель на небеси, и все ее помыслы, вступая в Божественный воздух, делаются небесными, чистыми и святыми» (Беседа 49-я, 3).

«А души, оставшиеся в естестве своем, по земле пресмыкаются помыслом, о земле помышляют, и ум их на земле имеет жительство свое. Сами по себе думают они, что принадлежат Жениху, но, не приняв ея радости, не возродились они Духом свыше» (Беседа 4-я, 6).

«Ибо князь мира сего, будучи некою мысленною тьмою греха и смерти, каким-то кровавым, жестоким ветром волнует, наполняет и кружит непостоянными, веществен-

³⁹ См. Лк. 14, 26.

ными, суетными помыслами всякую душу, не рожденную свыше и умом и мыслью не переселившуюся в иной век, по сказанному: *Наше житие на небесах*⁴⁰»).

Этим-то истинные христиане и отличаются от человеческого рода. Ибо отличие христиан состоит не во внешнем виде и не в наружных образах, как многие думают, что в этом вся разность. «От всех людей в мире отличается «новая тварь» – христианин: обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу» (Беседа 5-я).

Таковы непреложные и неоспоримые признаки жизни и смерти души, указанные божественным и святым Макарием Великим. По этим благодатным признакам каждый может судить о себе, где он пребывает: в жизни или в смерти?

Обновление ума, выражающееся в благодатном внимании к своим помыслам и к своему житию, есть безошибочный признак рожденной свыше души, на который так решительно указывают святые отцы.

Душа, получившая рождение свыше, получает вместе с рождением и благодатное внимание к себе и ко всему окружающему, и весьма внимательно относится ко всем бесовским приражениям, бывающим как извне от всего окружающего, так и через помыслы, мечтания и ощущения.

Трезвенным вниманием она распознает, а непрестанной молитвой отражает все злокозни бесов, имея при этом содействие и помощь от благодати Божией. В этой благодатной внутренней деятельности и оказывается жизнь возрожденной души.

Тогда как невозрожденная душа этой спасительной деятельности не имеет и не знает: за помыслами не следит, не пресекает своих мечтаний молитвой, а с утра и до ночи, и даже во сне умом своим носится в вихре вредительных мечтаний, – а это и есть смерть души, бывающая прежде смерти тела. Ибо *помышления плотские суть смерть*,⁴¹ – по апостолу.

Душа, пребывающая в своем естестве, не может не кружиться в вихре вредительных мечтаний. Тишина ума ей неведома и несвойственна. А душа, воспрившая в свое естество благодать Святого Духа, кружиться не может, это для нее неестественно, она непрестанно погружает свой ум в волны молитвенной благодати и не носится в вихре кружений.

Ум входит в небесную тишину благодатных помыслов. Но это полностью дается не сразу; нужен труд внимательной молитвы.

Таково просвещенное учение святых отцов о возрождении души свыше и таков благодатный неоспоримый признак возрождения души.

Только возрожденную душу Бог принимает в Свое благодатное Царство. Толь – ко возрожденная свыше душа обретает Божие Царствие благодатной тишины и мира и входит в него уже здесь своим благодатным вниманием. Душа невозрожденная потеряна для Бога и для Его Царства, она пребывает в смертно-демонской тьме непрерывного мысленного кружения.

Потому святые отцы с таким жаром устремлялись от кружения в помыслах в благодатную тишину ума, устремлялись трезвенным вниманием и «умной молитвой».

Внимательная молитва творила с ними чудо: помогала им отыскивать свою умерщвленную душу, оживотворять ее, снимала с нее пелены страстей, выводила их из мрака смертного демонского кружения, озаряла немеркнущим светом Божества и вводила ум в Божественную тишину – из земных человеков соделовала их небесными, бессмертными Ангелами.

⁴⁰ Ср. Флп. 3, 20.

⁴¹ Рим. 8, 6.

Глава IX

Святые отцы были искателями своей души – «умной Божией красоты», обретали ее на пути «умного труда». «Умным трудом» обретали ангельское житие на земле и вечную жизнь

Эти благословенные небесные человеки и земные ангелы – святые отцы, неутомимые взыскатели драгоценной Божией жемчужины, этого сокровища, зарытого в поле⁴² среди терний всевозможных страстей и вожделений, искатели образа присносущной славы Божией, этой бессмертной «умной» сущности – нашей бестелесной души, исполненной божественной красоты и неувядаемой лепоты, – как они возлюбили эту свою душу, это дивное Божие творение! И с какой горячностью они устремлялись в путь исканий от юных дней и до глубины старости! И с каким жарким сердцем ее искали!

О, душа, душа! Бестелесная «умная Божия красота» – и телесная, многострастная, безумная грешница! Светлая возлюбленная невеста Небесного Царя – и жалкая рабыня темных вожделений и подружка блудных демонов.

Ей служат Ангелы и Архангелы! О ней плачут Херувимы и Серафимы! О ней молятся непрестанно святые! Ее возлюбил вечной любовью Сам Владыка Небес! Ее ищет Божий Сын с пронзенным сердцем, в кровавом поту со многими слезами.

«И Сам, Седящий в Небесном граде на Престоле величества на высоких, Весь пребывает с душою в теле ее, потому что образ ее положил Он горе в Небесном граде святых – Иерусалиме, Собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле ее. Он служит ей в ограде тела, и она служит Ему во граде Небесном. Душа сделалась наследницей Его в Небесах, а Он принял ее в наследие на земле. Ибо Господь делает наследием души, а душа – наследием Господа», – говорил преподобный Макарий Великий.

Такую сокровенную, божественную песнь о душе пропел дивный равноангельский Макарий. Да, познали святые эту

Божью тайну о грешной душе человеческой и содрогнулись, встревожились божественной и спасительной тревогой. В момент небесного просветления они увидели, поняли, уразумели всем своим существом: если Сам Бог оставил Свои светлые Небеса и сонмы Ангелов и приходил на эту темную, скорбную, мрачную землю, в это место изгнания падших «умных» сущностей и среди этой «умной тьмы» – среди демонов и падших человеков, стал искать в поте кровавом, со смертельной скорбью Свой образ, Свое любимое, Свое потерянное, – если Сам Владыка и Творец был первый искатель потерянной души и Сам о Себе сказал: *Я пришел взыскать потерянное*,⁴³ – то как же они – пепел и земля, скрывающая в себе сей образ, сию потерянную душу, – не действуют, не ищут, не трудятся во взыскании?

Услышав своим болезненно-чутким сердцем эту тайну Божия взыскания, это Божие беспокойство, услышав этот Ангельский плач, эту Божию скорбь о человеческой душе, они, оставив свою многовожделенную жизнь плоти «и отрясину от очесе умного», устремились в поиски вместе с ищущим Богом и с плачущими Ангелами, устремились в пустыни и леса, в горы и скалы, в голод и жажду, в наготу и стужу, в тесноту и слезы, в отречение и муки, в молитву и плач. Устремились молитвенным трезвенным вниманием в «умное трудничество» взыскания своей души...

⁴² См. Мф. 13, 44–45.

⁴³ Ср.: Мф. 18, 11; Лк. 19, 10.

И вместе со святым Лествичником с воплем зывали к Богу: «Не могу более сносить действия вожделений. Ищу той бессмертной красоты, которую Ты даровал мне прежде сего бытия» (Лествица. Слово 29-е).

И в долгих молениях и многих слезах, в трудах и борениях они – о, эти неутомимые взыскатели души и бытия духовного, взыскатели «умной красоты», уязвленные небесной стрелой, пробужденные слезами Ангелов, крестоносцы духа

Вереницей, сквозь слезы
немолчных молений,
Сквозь вопли и стоны тайных
борений
Уходили на крестный путь
тесноты
С крестом на распяты,
И телесную жизнь, и свой ум
Пригвоздив ко Кресту «умной
молитвой».

Они обретали то сокровище, что Сам Бог искал, о котором плакали Ангелы и все Небесные Силы, – обретали «умную Божию красоту», обретали свою потерянную душу, обретали свою радость, свой свет, свое вечное веселие и ликование, обретали свое воскресение, свою светлую Пасху, свою вечную жизнь, обретали дивного Бога, имя Которого чудно и дивно было для них и спасительно для всякой потерянной грешницы-души. Да, таков непреложный духовный закон:

Теряющий свою душу теряет Бога.
Обретающий свою душу обретает Бога.

Теряет ее всякий и каждый, теряют все. Но обретают весьма и весьма редкие. Теряет ее всякий и каждый в обольстительных мечтаниях ума, в плотолюбных вожделениях сердца. Теряет ее живущий невнимательно к своим помыслам и умом своим носящийся. И редко кто обретает свою потерянную душу. Обретают лишь те отрешенные, что продают свои богатые мысленные владения мечтаний и плотолюбных вожделений, отрекаются от сатаны и всех мысленных дел его и покупают слезами «поле покаяния», на котором зарыта грешница-душа – эта Божия жемчужина, драхма, и трудятся в поте лица, раскапывая и очищая от мусора свою потерю.

Праздник обретения души всегда велик. На земле он проходит незаметно, а на Небе – веселие, там Ангелы со своим Владыкою радуются:

*«Порадуйтесь со Мною:
Я нашел потерянную драхму,
Так, говорю вам, бывает радость
У Ангелов на Небеси
И об одном грешнике кающемся»,*

– сказал Владыка Ангелов.⁴⁴

⁴⁴ Ср. Лк. 15, 9 -10.

Праздник обретения души, грешницы-души – праздник Ангельский, праздник Божественный. Лишь когда человек дойдет до «порога узких врат» телесного мысленного жития, «тесного умного прохода», где оставляем все «вещи»: все земное, вещественное, а при этом и мысленное, – тогда, переступив порог вещественного, мысленного, обретаем во многих слезах невестественную небесную потерю – свою душу, «умную Божию красоту», и с нею дивного Бога. Тогда наступает сей праздник радования.

Немногие находят этот «порог тесноты и отречения» от вещественного и мысленного, и редкие переступают через него в жизнь невестественную, редкие живут жизнью истинно духовной, небесной, немногие познают ангельское радование на земле, немногие познают святоотеческую тайну «внимания к себе».

А потому *много званых, да мало избранных*.⁴⁵ Мало спасающихся от невнимательного вещественно-смертного бытия. Мало приобщающихся вниманием жизни бессмертной. Мало взыскующих свою душу и еще менее обретающих ее. Ибо велик подвиг отречения от вещественного и мысленного. Велик труд обретения потери невестественной – своей души. Через потерю вещественного и мысленного обретается невестественное и умное. Просвещенные божественной благодатью отцы это поняли, познали, потому и трудились всю жизнь во взыскание своей «умной потери» – души.

Трудились упорно и с терпением, в скорбях и самоозлоблении. И обретали ее не в пещерах и в лесах, не в голоде и жажде, – а в «умной тесноте внимания», в «умной молитве». А все остальное служило только пособием этой «умной тесноты». «Умным трудом», «умным деланием» обретали «умную потерю». Они познали тайну «умной молитвы», сокрытую от веков и родов, и в святом трудничестве, в покаянии и слезах обретали сей молитвой свою душу, а с ней и дивный дар благодати, дарованный нашей природе во Христе Иисусе. Дар богатый и многодейственный, великий и благословенный, дар нового бытия богоносного. Они познали сей дар опытно: в изменении своего жития, в просвещении своей «умной» сущности, в живом ощущении сердца, носившего в себе Святого Живого Бога, потому и были богоносными и святыми. Живя во плоти на земле, они жили духом на небеси. Еще здесь, среди греха и растреления, носили в себе взысканную «умную красоту» – просветленный бессмертный образ Божий, который сиял в них немеркнувшей славой. Сиял на срамление злобных демонов, поправших сей образ, – для большего укрепления нашей изнемогающей веры в наше непреложное и непостыдное взыскание.

⁴⁵ Ср. Мф. 20, 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.